

УДК 821.161.1.0

Ефимова Алла Николаевна, преподаватель кафедры психологии, педагогики и языковых дисциплин Казахстанско-Российского медицинского университета

e-mail: alla_almatinskaya@inbox.ru

ОБРАЗЫ ПОДВИЖНИКОВ ВЕРЫ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ЛАГЕРНОЙ ПРОЗЕ XX ВЕКА

Аннотация: цель нашего исследования – рассмотреть особенности нравственной природы светильников веры в условиях лагерного заключения, понять причины их воздействия на окружающих. Для изучения выбраны воспоминания Б.Ширяева, О.Волкова, Д.Лихачева, А.Жигулина. В данных произведениях запечатлелся уникальный жизненный опыт авторов, а также изображение судеб русского духовенства, мужественно перенесшего период репрессий. Актуальность исследования продиктована недостаточной изученностью типов личностей в лагерной прозе, недостаточной исчерпанностью ее воспитательного и духовно-нравственного потенциала.

Ключевые слова: лагерная проза, подвижники, светильники веры, христианская антропология, страдания, личность.

Alla Efimova, teacher, department of psychology, pedagogy and language disciplines, Kazakh-Russian Medical University

e-mail: alla_almatinskaya@inbox.ru

CHARACTERS OF DEVOTEES OF FAITH ARE IN AUTOBIOGRAPHIC CAMP PROSE OF XX CENTURY

Annotation: the purpose of our research is to consider features of the moral nature of luminaries of faith in the conditions of imprisonment, to understand the reasons of their influence on people around. We have chosen memories of B.Shiryaev, O.Volkov, D.Likhachev, A.Zhigulin for our studying. These works imprint the unique life experience of authors and reveal destinies of the Russian clergy during the period of repressions. Research actuality is dictated by insufficient study of types of personalities in camp prose, insufficient exhaustion of its educational and spiritually-moral potential.

Keywords: camp prose, devotees, luminaries of faith, Christian anthropology, suffering, personality

Множество писателей XX века прошли через тюрьмы и лагеря и оставили обширную мемуарную прозу, тем самым спасая прошлое для будущего, которому творческий человек не имеет права дать исчезнуть бесследно [2, с. 268]. Их пережитый, выстраданный жизненный опыт глубоко задевает душу другого человека и обладает силой воздействия. Большой интерес представляют воспоминания тех авторов, которые не только описывают происходившее, но и дают социально-исторический или психологический анализ событиям и их влиянию на окружающих, осмысливают изменения в себе и в других. Для изучения выбраны воспоминания Б.Ширяева, О.Волкова, Д.Лихачева, А.Жигулина.

Условия заключения действуют преимущественно негативно на человека. Филип Зимбардо, профессор, психолог, автор знаменитого Стэндфордского тюремного эксперимента, пытаясь выяснить, что сильнее – хорошие люди или плохая ситуация, пришел к выводу, что тюрьма действует растлевающе на человека: «Тюрьма – ужасное место, пробуждающее худшие черты человеческой природы. Она скорее порождает насилие и преступность, чем способствует реабилитации» [4, с. 327]. Подтверждением этих слов является практический опыт православного священника Глеба Каледы, духовно опекавшего заключенных бутырской тюрьмы, который пишет в книге

«Остановитесь на путях ваших...»: «Тюрьма и каторга – вещь страшная по самой своей природе, - они способны изуродовать души и арестантов, и охраны» [5, с. 50].

Все по-разному переносят страдания: кого-то они раздавливают, а кого-то вынуждают к сопротивлению и росту. По характеру перенесения условий заключения можно выделить среди узников несколько нравственно-психологических типов личностей. Первый тип можно назвать деградирующим. Ко второму типу отнесем людей, которые смогли сохранить в себе человеческие качества. Третий тип – это духовно растущие люди. Люди, которых страдание в условиях заключения заставляет обратить свой взор вглубь своей души, к Богу, задуматься о вечном.

Материал автобиографической прозы позволяет выделить еще один тип личности – это светильники веры (праведники, подвижники), который наименее исследован. Этот тип естественно рассматривать с точки зрения христианской антропологии и психологической антропологии.

Священники переносили страдания радостно, как милость Божию, потому что понимали смысл страдания. Архимандрит Софроний Сахаров пишет: «Человек, преображенный благодатию Духа Святого, по-иному воспринимает все постигающие на жизненном пути события. Во всяком явлении он начинает рассматривать благой Промысл Бога, ведущий его к единой и последней цели - спасению» [10, с. 31]. Известный православный богослов Н.Е.Пестов в своей книге «Современная практика православного благочестия», опираясь на Священное Писание и ссылаясь на труды святых отцов (Исаака Сириянина, Макария Великого, Иоанна Златоуста и др.), называет несколько основных причин страдания праведников, главной из которых является страдание за Христа. Он подчеркивает, что страдания за Христа и за веру во Христа посылаются особо избранным, и они становятся мучениками и исповедниками, так как христиане, страдая, соучаствуют в страданиях Христовых [7, с. 410-416].

Павел Флоренский, разделяя людей по уровню их духовного развития, пишет, что в Библии образ Божий в человеке – это онтологический дар Божий, а подобие, он рассматривает, как потенциальную способность духовного совершенства. «Лик есть осуществленное в лице подобие Божие. <...> преобразившие свое лицо в лик возвещают тайны мира невидимого без слов, самым своим видом...» [11, с. 120]. Совершенно очевидно, что в лицах светильников веры присутствует «лик» и своим мужественным примером и любвеобильным отношением к окружающим они проповедовали Христа и даже без слов благотворно воздействовали на окружающих.

Как известно, существует закон взаимного влияния людей друг на друга. Н.Е.Пестов разъясняет, что важным условием для подражания являются взаимная симпатия, доверие, любовь, и что эти чувства служат проводниками идей от одной души к другой, а антипатия защищает душу от подражания. Примеры такого рода воздействий можно было наблюдать у всех рассмотренных авторов. «Особенно сильное подражание себе, - утверждает Н.Е.Пестов, - могут вызвать люди с сильной целеустремленной волей и яркой индивидуальностью. Так объясняется влияние на общество народных вождей, виднейших писателей, ученых, артистов и т.п., а для христиан – подвижников, старцев, проповедников, духовных отцов и всех праведников» [7, с. 266].

Никогда столько носителей веры (епископов, священников, монахов, просто глубоко верующих людей) не отправляли раньше на смерть и на каторгу, которые страдали не за уголовные преступления, а только за принадлежность к духовенству и за веру в Бога. В XX веке их просто уничтожали как класс. Политике уничтожения духовенства и христиан положило начало секретное письмо Ленина членам Политбюро по поводу изъятия церковных ценностей, рекомендующее использовать ситуацию с голодом с целью заручиться поддержкой народных масс (или хотя бы нейтралитетом) для борьбы с духовенством: «Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту

публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать» [8, с. 283]. Как говорит А.Солженицын: «Христиан было множество, этапы и могильники, этапы и могильники, - кто сочтёт эти миллионы?» [9, с. 250]. Изучение лагерной прозы позволяет отнести к типу подвижников веры образы многих священников, которые описаны в автобиографической прозе четырех изучаемых авторов. Все описываемые священники не отреклись от Бога и от своего сана, и были обвинены в антисоветской деятельности.

Рассмотрение образов людей этого типа вызывает особое отношение. Перечислим некоторых из них.

В книге О.Волкова «Погружение во тьму» выведены и подробно описаны несколько священников. Первый священник, о котором вспоминает О.Волков, это отец Михаил Митроцкий, ученый богослов, академик, с которым он жил в одной келье в период своего первого соловецкого срока. Он умеет радоваться жизни и за все благодарит Господа, несмотря на тяжелые испытания. Даже был искренно рад своему пребыванию на Соловках, где до него молились тысячи подвижников, угодников Божиих. А при встрече задавал вопрос: «Что хорошего слышно?» - во всем стараясь найти доброе. «Эта его расположенность...передавалась и его собеседникам: возле него жизнь и впрямь казалась светлее. Не поучая и не наставляя, он умел рассеять уныние – умным ли словом, шуткой ли. Не прочь был пошутить и над собой» [1, с. 62]. Не только для себя и других верующих он видит пользу в Соловках, но и для судьбы России и РПЦ. По сути, он раскрывает смысл страдания верующих людей: «Думаю, настало время, - говорил с твердостью отец Михаил, - когда русской православной церкви нужны исповедники. Через них она очистится и прославится. В этом промысел Божий. Ниспосланное испытание укрепит веру. Слабые и малодушные отпадут. Зато те, кто останется, будут ее опорой, какой были мученики первых веков. Ведь и сейчас они для нас – надежная веха...» [1, с. 63] В русле таких размышлений он воодушевляет автора: «Вот и вы - петербургский малOVER попроситствуете на здешних богослужениях и сердцем

примете веру. Она тут в самом воздухе. А с ней так легко и не страшно... Даже в библейской печи огненной» [Там же].

Во время архангельской ссылки О.Волков, несмотря на запреты властей, общался со святителем Лукой (Войно-Ясенецким), известным хирургом и профессором, недавно причисленным к лику святых. Святитель добился от властей, чтобы в больнице исповедовались и причащались больные, и чтобы без молитвы не проводились операции. Атеистической власти приходилось терпеть это ради его таланта хирурга и мужества. Преосвященный не беспокоился о себе, но переживал за тех, которые могли пострадать из-за общения с ним: «Мне-то ничего не сделают <...> Меня терпят, но смотрят зорко – не возьмет ли кто с меня пример? И горе обличенному! А мне каково? Знать, что служишь привадой охотнику? Я окружен агентами. Вот и рад, когда ко мне приходят, и страшусь. Не за себя, конечно...» [1, с. 203]. Вместе с епископом Лукой смело шел О.Волков по улицам города в уцелевшую церковь на окраине Архангельска, бросая вызов властям, утверждая свои принципы, и надеялся стать для кого-то примером и ободрением.

О.Волкова поразила яркая личность святителя Илариона (Троицкого), обладавшего крепкой верой и даром слова, в котором удивительно сочетались ученость иерарха, аскетизм, простота в обращении, понимание жизни и любовь к ней. О нем же вспоминает Б.Ширяев в книг «Неугасимая лампада», сравнивая его с древними и нетленными сказами соловецких камней: «Одним из таких новых, но столь же несокрушимых, как прежние, камней соловецкой обители духа стал архиепископ, владыка Иларион» [12, с. 329]. Несмотря на то, что он не был самым старшим иерархом на каторге, его огромной внутренней силе не могли противостоять уголовники, тюремные начальники, охранники. Даже лагерное начальство с уважением относилось к нему. Он всегда старался добиться ослабления режима для духовенства, устраивая их на более легкие хозяйственные работы, но не заботился о своем лучшем устройении и не имел никаких поблажек. Популярность его на острове была велика, и он поддерживал приходящих к нему людей шуткой и добрым словом, а тем более

своей убежденной и мужественной верой. «Надо верить, что церковь устоит, - говорил он. – Без этой веры жить нельзя. Пусть сохраняются хоть крошечные, еле светящиеся огоньки – когда-нибудь от них все пойдет вновь. Без Христа люди пожрут друг друга. Это понимал даже Вольтер...»[1, с. 74]. О себе он не беспокоился, а переживал за людей, понимая, что тех, кого он призывает к стойкости в вере, ждут страдания и гонения, а также тревожился о судьбе церкви, которая находилась в опасности из-за живоцерковников.

В воспоминаниях Д.С.Лихачева отражаются события, произошедшие на Соловках с 1928 по 1931 год. Д.С.Лихачев застал время, когда духовенство составляло значительный процент лагерных заключенных. Д.С.Лихачев, как и О.Волков, с теплом вспоминает «удивительно привлекательного» [6, с. 283] владыку Виктора Вятского (Островидова), который, хотя был внешне похож на простого сельского священника, обладал глубоким умом и был очень образованным иерархом. Он всем старался помочь и подбадривал других своей добротой и веселостью. Между собой, любя, его ласково называли «владычкой» [Там же]. Он воспринимал страдания как милость Божию. Когда О.Волков после первого срока уезжал с Соловков, епископ Вятский Виктор его провожал. Владыка старался укрепить его перед новыми испытаниями, о которых автор даже и думать не хотел, и заодно просил его помнить о страданиях священников и монахов. «Отчего такое это мир на них ополчился? Да нелюба ему правда Господня стала, вот дело в чем! Светлый лик Христовой церкви – помеха, с нею темные и злые дела неспособно делать. Вот ты, сынок, об этом свете, об этой правде, что затапывают, почаще вспоминай, чтобы самому от нее не отстать. Поглядывай в нашу сторону, в полунощный край небушка, не забывай, что тут хоть туго да жутко, а духу легко... Ведь верно?» [1, с. 96] Покидая остров, Олег Волков чувствует себя сильным, окрыленным, а также очищенным и обновленным, соприкоснувшись с воздействием соловецкой святыни, которое крепко овладело его душой. «Именно тогда я полнее всего ощутил и уразумел значение веры. За нее и пострадать можно!» [Там же]

Д.С.Лихачев с любовью пишет о тихом и скромном отце Николае Пискановском: «Его нельзя было назвать веселым, но всегда в самых тяжелых обстоятельствах излучавшим внутреннее спокойствие. Я не помню его смеющимся и улыбающимся, но всегда встреча с ним была какой-то утешительной. И не только для меня» [6, с. 284]. Кроме того, он обращает внимание на его дар прозорливости, которым отец Николай обладал, сам того не ведая. Он объяснял свои слова, которые сбывались: «Как-то вымолвилось» [Там же]. Они оба (с владыкой Виктором) помогли Д.С.Лихачеву после тифа устроиться в Криминологический кабинет, замолвив за него слово. Вокруг них была молодежь. Жизнь после освобождения у них обоих была мученической.

В своей книге «Неугасимая лампада» Б.Ширяев рассказывает о заключении на Соловках в 20-е годы. В ней он описывает святителя Илариона Троицкого, о котором пишет и О.Волков в «Погружении во тьму». Характерно, что Б.Ширяев приводит новый эпизод - о спасении людей, закованных в шугу (мелкий, раздробленный лед). Эта история лучше всяких эпитетов характеризует святителя как самоотверженного и мужественного человека. Никто не отважился и даже не смел подумать о том, чтобы броситься на помощь в холодное, страшное море [12, с. 335-337].

Если Иларион Троицкий охарактеризован как богатырь духа, то сила характера другого «светильника веры» - отца Никодима – совершенно в ином. Б.Ширяев называет его «утешительный поп» [12, с. 260]. Самой главной особенностью «утешительного попа» отца Никодима, по воспоминаниям Б.Ширяева, было прославление Господа и умение радоваться, несмотря на жестокую реальность [12, с. 255]. Батюшка поддерживал и утешал страждущих, которых он считал своим приходом, продолжая тайно выполнять свое священническое служение на Соловках. С любовью относится он к своей соловецкой пастве и верит в чудо очищения их душ. Он искренно уверен, что вера в Бога сохраняется у всех в тайниках души: от красного комиссара до бандита-душегубца. Несмотря на все передраги и опасности, он единственный соглашался причащать умирающих, отпевать усопших, тайно служил литургии,

молебны. Отец Никодим, очень талантливый рассказчик, ежедневно произносил проповеди в доступной для всех окружающих форме, которые мало того, что слушались с удовольствием и пониманием, но и ожидалось с нетерпением как шпаной, так и интеллигенцией, людьми всех уровней.

Вот как вспоминает о проповедях отца Никодима на Соловках бывший буденовец: «Раз начал он нам про Веру, Надежду, Любовь и Софию, мать их, рассказывать, как они, царя не побоявшись, на своей правде стояли и лютую казнь за нее приняли; вот тут и вышел главный поворот» [12, с. 410]. У человека, который верил только в свою правоту, произошел поворот в душе от «сказок» отца Никодима: «И зачал он нам тут опять про разбойника рассказывать, который со Христом на Голгофу взошел и там, через смертную муку, спасение принял. Вот на этом самом месте окончательный поворот и получился. Вижу: разбойник тот самый я есть. Должен я на ту гору взойти...» [12, с. 411]

Самым тяжелым в заключении для А.Жигулина, как он сам об этом пишет в книге «Черные камни», был период бесконечных допросов и избиений, когда он находился под следствием. И именно в это время с ним сидит священник Митрофан Матвеев, который сам не унывал и его поддерживал словом и своим примером мужественного перенесения скорбей: «Его, как и меня, часто били. Но он терпел побои мученически – читал во время избиения молитвы, - славил Господа. Какая это была чистая и светлая душа! Он успокаивал меня:

- Анатолий, не горюй! Ведь за правду ты сидишь?

- В общем, да.

- Так вот, имей в виду. Господь наш сказал: «Блаженны изгнанны правды ради, ибо их еси Царствие Небесное» [3, с. 97].

Отец Митрофан рассказал ему наизусть все Евангелие, пересказал Ветхий Завет, и Жигулин благодарил Господа за то, что Он послал ему этого человека. Миссия светильника веры отца Митрофана по отношению к Жигулину

проявилась в том, что он не только был для него поддержкой, но и дал опору в вере в Бога в начале долгого тернистого пути.

Помимо известных иерархов, сколько таких скромных, безвестных простых, и одновременно великих, священников сидело в лагерях, которые вселяли мужество в заключенных. «Чудилась некая связь между этой вот горсткой затравленных, с верой и надеждой внимающих каждому слову отца Иоанна зэков – и святыми и мучениками, порожденными гонениями» [1, с. 8], - вспоминает О.Волков о тайных службах безвестного священника на Соловках.

В воспоминаниях четырех авторов даны сходные характеристики священников, которые следует объединить в тип «светильники веры». Их объединяет крепкая вера и мужественное перенесение скорбей. От других заключенных их отличает либо внутреннее спокойствие при несении скорбей, либо исходящие от них радость и веселие, которыми они подбадривают других заключенных, отгоняя от них уныние добрым словом или шуткой. Для них характерны бескорыстие и жертвенность: они переживают не за себя, а за других людей, и не только утешают их, но и стараются улучшить их положение в лагере. Д.Лихачев, О.Волков, Б.Ширяев и А.Жигулин отмечают, что после общения с ними у многих меняется мировоззрение и «жизнь кажется светлее», а вера укрепляется.

Список литературы:

1. Волков О.В. Погружение во тьму. // Век надежд и крушений: Воспоминания, повести, рассказы, очерки. – М.: Советский писатель, 1989. – С. 3-434.
2. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. – Л.: Художественная литература, 1976. – 448 с.
3. Жигулин А.В. Черные камни.- М.: Кн. Палата, 1989. – 240 с.
4. Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. – М.: Альпина нон-фикшн, 2014. – 740 с.

5. Каледа Глеб, прот. Остановитесь на путях ваших... Записки тюремного священника. – М.: Издательство «Зачатьевский монастырь», 2002. – 80 с.
6. Лихачев Д.С. Мысли о жизни: Воспоминания. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2013. – 480 с.
7. Пестов Н.Е. Современная практика православного благочестия. В 2-х т. Т. 1. – М.: Братство святого апостола Иоанна Богослова, 2014.- 736 с.
8. Цит по: Регельсон Л.Л. Трагедия Русской Церкви 1917-1945. – М.: Издательство Крутицкого подворья, 2007. – 648 с.
9. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918-1956. Опыт художественного исследования: сокращенное издание. – М.: Просвещение, 2010. – 512 с.
10. Софроний (Сахаров), архим. Подвиг богопознания. Письма с Афона (к Д. Бальфуру). – М.: Паломник, 2001. – 368 с.
11. Флоренский П.А. Иконостас. – М.: Директ-Медиа, 2008. – 214 с.
12. Ширяев Б. Н. Неугасимая лампада. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 2007. – 432 с.